

ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ВЫСШЕГО КОМАНДНОГО СОСТАВА – УЧАСТНИКОВ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ

© 2019

У.А. Алиев, кандидат юридических наук, магистр психологии, экстерн Института психологии
Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург (Россия)

Ключевые слова: военнослужащие; индивидуально-психологические характеристики; высший командный состав; участники боевых действий; стрессогенная ситуация; переживание стресса; нервный срыв; тревожность; психическое расстройство; стрессоустойчивость; участие в военных действиях; представители высшего командного состава, принимавшие участие в военных действиях.

Аннотация: Личность военнослужащего, принимающего участие в локальных войнах и вооруженных конфликтах, сегодня является одной из наиболее актуальных тем исследования для российской военной психологии, а психологические последствия боевой психологической травмы являются зоной взаимных научных и практических интересов как гражданских, так и военных специалистов. Особый интерес при этом вызывает личность представителей высшего командного состава – участников боевых действий. Это обусловлено тем, что при решении поставленных перед ними боевых задач они сталкиваются с воздействием различных факторов и ситуаций. Для успешного решения боевых задач представители высшего командного состава – участники боевых действий должны обладать не только профессиональными навыками, но и определенными психологическими характеристиками. В статье освещаются результаты сравнительного анализа индивидуально-психологических характеристик (стрессоустойчивости, тревожности, способности к адаптации в новых условиях жизнедеятельности, предпочтительных форм совладающего поведения) представителей высшего командного состава Вооруженных сил РФ, которые принимали участие в боевых действиях (экспериментальная группа) и их коллег, не принимавших участия в боевых действиях. Проведенное исследование показало, что представители высшего командного состава, принимавшие участие в военных действиях, более склонны к нервно-психическим срывам, чем их коллеги, не принимавшие участия в боевых действиях. Для принимавших участие в боевых действиях характерен значительно более высокий уровень личностной тревожности, выражающейся в склонности воспринимать широкий диапазон ситуаций как угрозу для себя, у них отмечаются более выраженные показатели социальной дезадаптированности. Кроме того, установлено, что представители высшего командного состава, принимавшие участие в военных действиях, в большинстве склонны использовать неконструктивные стратегии преодоления стрессовых ситуаций.

ВВЕДЕНИЕ

В период с 1989 по 2019 год в мировой науке резко возросло количество научно-практических исследований, посвященных проблеме психологических последствий участия в боевых действиях. [1–3]. Для Российской Федерации актуальность этой проблемы в связи с постоянно вспыхивающими вооруженными конфликтами возрастает многократно [4; 5]. Участие военнослужащих в боевых действиях связано с изменением их устоявшегося жизненного уклада, с риском для их жизни и здоровья, и характеризуется длительным физическим и психоэмоциональным напряжением [6; 7]. Кроме того, в локальных условиях боевых действий, военнослужащие являются как их свидетелями, так и участниками, что в двойной мере служит источником травматических переживаний [8; 9]. Естественно, что в последующем у большинства из них проявляется стрессовое расстройство [10; 11].

Первым, кто заметил психологические изменения у людей, переживших экстремальные ситуации, стал американский врач и хирург Я. Мендес да Коста. Он включил в свою работу «О возбужденном сердце» (1871 г.) информацию о солдатах, принимавших участие в гражданской войне в Америке (1861–1865 гг.). В дальнейшем известный американский антрополог и психоаналитик А. Кардинер описал симптоматику так называемого «военного невроза» (1941 г.). Он выделил среди симптомов неуправляемые агрессивные реакции, раздражительность, заиканность на пережитом, уход от реальности и т. д. [12]. Исследование («Психологиче-

ские последствия войны») по стрессовым расстройствам на территории бывшего Советского Союза проводила доктор психологических наук, профессор Н.В. Тарабрина (1996 г.). Исследование показало, что при возвращении в мирное время участники боевых действий должны фактически заново воссоздать структуру жизненных ценностей, самооценки и ориентаций [13]. Мировая статистика показывает, что каждый пятый военнослужащий, принявший участие в боевых действиях в горячих точках, страдает стрессовым расстройством, а из тех, кто получил ранения – каждый третий [14].

Все вышесказанное свидетельствует о том, что необходимо изучать особенности проявления стрессового расстройства у участников боевых действий, чтобы оказывать им своевременную квалифицированную психологическую помощь и способствовать их успешной адаптации в обществе.

Цель исследования – изучение индивидуально-психологических характеристик представителей высшего командного состава – участников боевых действий.

ВЫБОРКА ИССЛЕДОВАНИЯ

В исследовании приняли участие 90 офицеров высшего командного состава в возрасте 45–60 лет. Срок службы офицеров – от 20 до 42 лет. Экспериментальную группу составили 45 офицеров (15 генералов и 30 полковников), которые принимали участие в боевых действиях и имеют симптомы стрессового расстройства. В контрольную группу вошли 45 офицеров (15 генералов и 30 полковников), не принимавших участия в боевых действиях.

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Индивидуально-психологические особенности респондентов изучались с помощью следующих методик: «Шкала психологического стресса» (Л. Лемур, Р. Тесье, Л. Филлион; перевод и адаптация Н.Е. Водопьяновой) [15], «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций» (С. Хобфолл) [16]; «Прогноз-2» (В.Ю. Рыбников) [17]; «Шкала самооценки тревожности» (Ч.Д. Спилбергер – Ю.Л. Ханин) [18]; «Методика диагностики социально-психологической адаптации» (К. Роджерс, Р. Даймонд) [19]. Также участникам исследования была предложена анкета «Симптомы стресса», разработанная С.М. Шингаевым [20; 21]. Статистический анализ результатов, полученных в ходе проведения выше представленных методик, осуществлялся с помощью критерия Манна – Уитни, непараметрического метода математической статистики, предназначенного для определения статистической значимости различий между двумя независимыми группами. Для осуществления расчетов использовался пакет компьютерных программ Statistica 8.0.

РЕЗУЛЬТАТЫ ЭКСПЕРИМЕНТА И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Результаты исследования феноменологической структуры переживания респондентами стресса отображены на рис. 1.

Согласно данным, представленным на рис. 1, у большинства представителей экспериментальной группы выявлен высокий уровень стресса. У остальных респондентов, вошедших в данную группу, обнаружен средний уровень психической напряженности. В свою очередь, у большинства представителей контрольной группы определен средний уровень переживания стресса. Вместе с тем в рассматриваемой группе были выявлены как респонденты с высоким, так и респонденты с низким уровнем переживания стресса. Оценка статистической значимости различий между группами позволила установить, что респонденты экспериментальной группы переживают стресс сильнее, чем респонденты контрольной группы (различия между группами статистически значимы при $p \leq 0,01$).

Результаты определения симптомов стресса у респондентов представлены на рис. 2 (следует отметить,

что выбор симптомов стресса респондентов не ограничивался).

Согласно данным, представленным на рис. 2, респонденты экспериментальной и контрольной групп с различной частотой отмечали практически все представленные в списке симптомы стресса. Вместе с тем у респондентов экспериментальной группы было констатировано значительно большее количество проявлений симптомов стресса, чем у респондентов контрольной группы. При этом они чаще всего указывали на наличие таких проявлений стресса, как злоупотребление курением и алкоголем. Наряду с этим, ими довольно часто отмечались такие наблюдаемые у себя симптомы стресса, как нарушение сна, подавленность, вспышки немотивированного беспокойства, повышенная раздражительность, нарушения в работе пищеварительной системы и плохой аппетит, чувство усталости, головные боли и проблемы сексуального характера. В контрольной же группе среди наиболее часто отмечаемых респондентами симптомов стресса можно выделить злоупотребление курением, переизбыток и употребление алкоголя. Остальные симптомы стресса были выбраны в группе по одному разу.

Оценка статистической значимости различий между группами показала, что у респондентов экспериментальной группы значительно чаще, чем у респондентов контрольной группы, встречаются такие симптомы стресса, как стойкие головные боли ($p \leq 0,01$), нарушения сна ($p \leq 0,01$), подавленное настроение ($p \leq 0,01$), чувство усталости ($p \leq 0,01$), увеличение потребления алкоголя ($p \leq 0,01$), нарушение аппетита и пищеварения ($p \leq 0,05$), а также немотивированное беспокойство по разным поводам ($p \leq 0,05$). В свою очередь, респонденты контрольной группы чаще отмечали такой симптом стресса, как переизбыток ($p \leq 0,01$).

Результаты исследования нервно-психической устойчивости респондентов представлены на рис. 3.

Согласно данным рис. 3, у 15,6 % респондентов экспериментальной группы и у 26,7 % респондентов контрольной группы нервно-психическая устойчивость является хорошей, т.е. нервно-психические срывы у них являются маловероятными. У 31,1 % респондентов экспериментальной группы и у 60 % респондентов

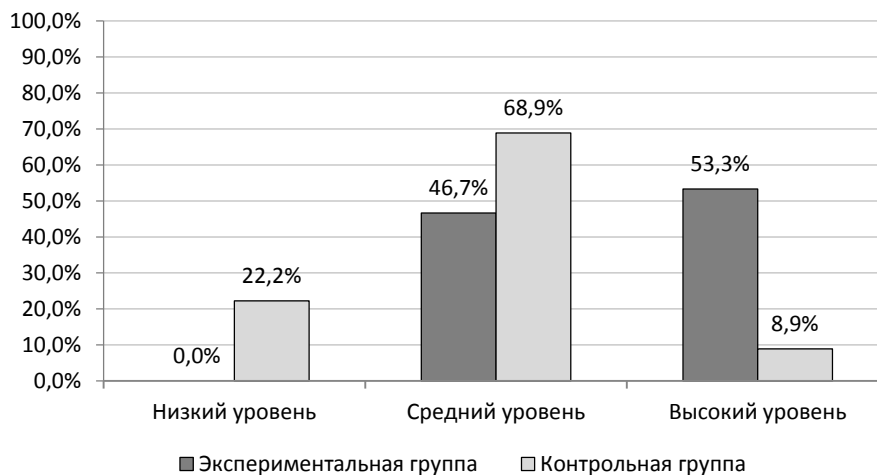

Рис. 1. Распределение участников ЭГ и КГ по переживанию стресса

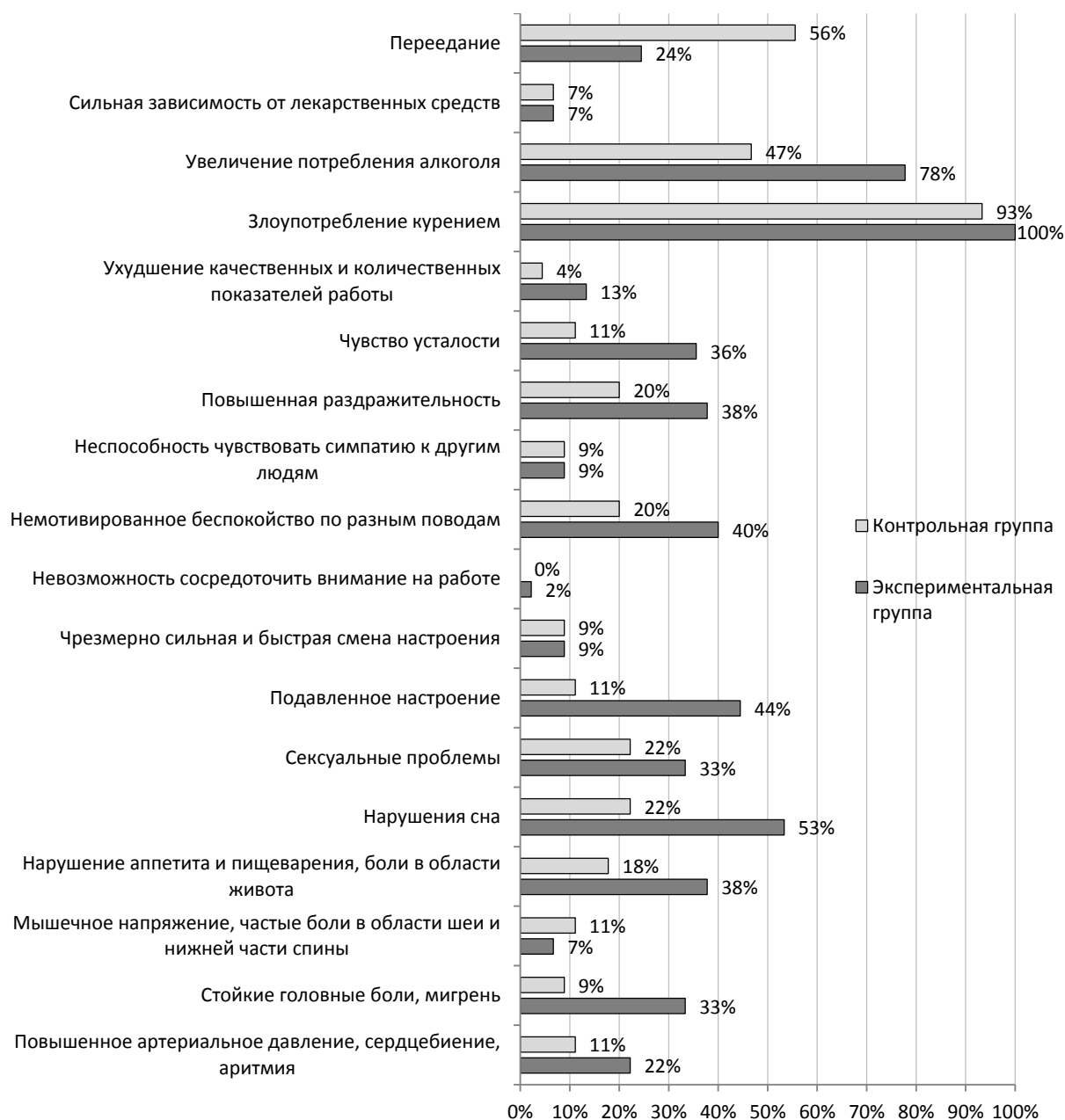
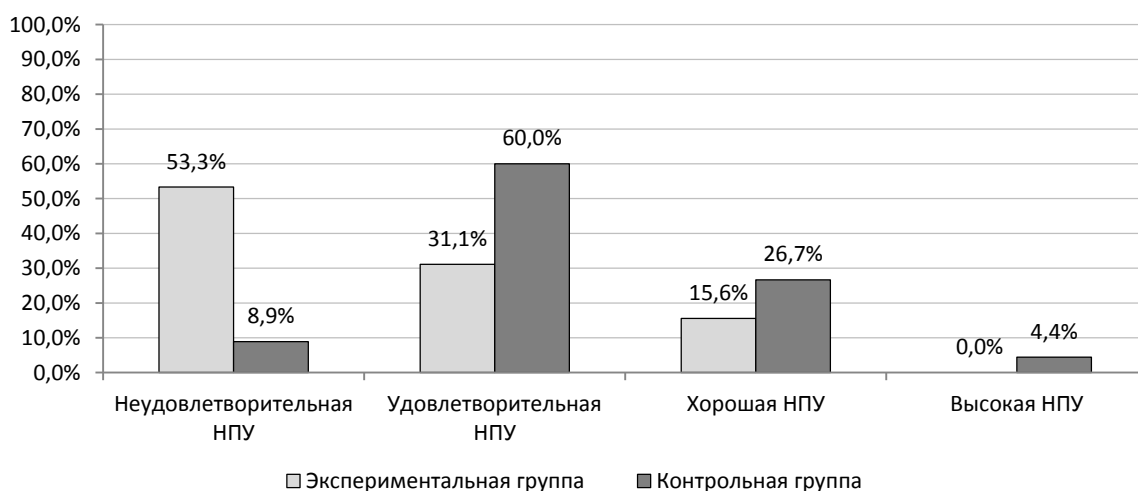

Рис. 2. Частота встречаемости симптомов стресса у участников ЭГ и КГ

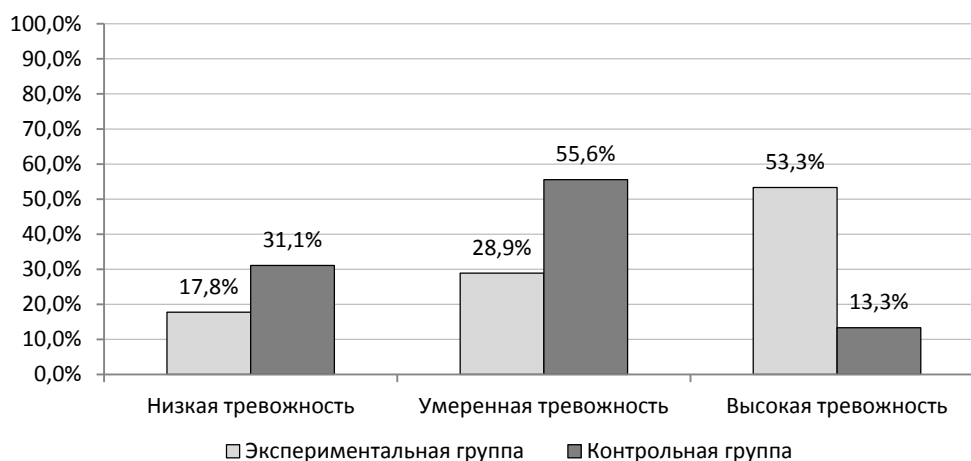
контрольной группы нервно-психическая устойчивость является удовлетворительной: нервно-психические срывы у них вероятны, особенно они возможны в экстремальных условиях. В свою очередь, у 53,3 % респондентов экспериментальной группы и у 8,9 % респондентов контрольной группы обнаружилась неудовлетворительная нервно-психическая устойчивость, свидетельствующая о том, что вероятность возникновения у них нервно-психических срывов является высокой, поэтому они нуждаются в помощи психолога. Оценка статистической значимости различий между группами позволила установить, что респонденты экспериментальной группы более подвержены нервно-психическим срывам, чем респонденты контрольной группы (различия между группами статистически значимы при $p \leq 0,01$).

Результаты оценки выраженности личностной тревожности у респондентов, представивших выборку,

представлены на рис. 4. Из данных, представленных на рис. 4, следует, что у 53,3 % респондентов экспериментальной группы и 13,3 % респондентов контрольной группы выявлен высокий уровень личностной тревожности, что позволяет предположить у них наличие склонности воспринимать широкий диапазон ситуаций как угрозу для себя. У 28,9 % респондентов экспериментальной группы и у 55,6 % респондентов контрольной группы была констатирована умеренная личностная тревожность. Характеризуя этих респондентов, можно отметить, что они склонны к тревоге в некоторых ситуациях, однако эта тревога играет скорее защитную роль, позволяя им вовремя замечать опасность и находить пути ее предотвращения. Следует заметить, что в эмпирической выборке также присутствуют респонденты (ЭГ – 17,8 %; КГ – 31,1 %), у которых выявлен низкий уровень тревожности. Это свидетельствует о том, что респондентам свойственно подавлять тревогу

Рис. 3. Распределение участников ЭГ и КГ по выраженности нервно-психической устойчивости

Рис. 4. Распределение участников ЭГ и КГ по выраженности личностной тревожности

с целью показать себя в лучшем свете. Оценка статистической значимости различий между группами показала, что респонденты экспериментальной группы более подвержены тревоге, чем респонденты контрольной группы (различия между группами статистически значимы при $p \leq 0,01$).

Результаты исследования особенностей социально-психологической адаптации респондентов, принявших участие в исследовании, отображены на рис. 5.

Согласно данным, представленным на рис. 5, у представителей экспериментальной группы выявлены преимущественно низкий и средний уровни социально-психологической адаптации. Это позволило сделать вывод, что большинство респондентов дезадаптированы в актуальных условиях жизнедеятельности. Наряду с этим из рис. 5 следует, что у большинства представителей контрольной группы уровень социально-психологической адаптации является либо средним, либо высоким.

Для более детального изучения особенностей адаптации представителей эмпирической выборки к актуальным условиям жизнедеятельности была проанализирована выраженность ее отдельных компонентов. Результаты проведенного анализа отображены на рис. 6.

Как наглядно свидетельствуют данные, представленные на рис. 6, практически все компоненты, составляющие адаптацию участников экспериментальной и контрольной групп к актуальным условиям жизнедеятельности, представлены средними показателями (норма выраженности каждого из показателей – 40–60%). Вместе с тем в экспериментальной группе показатель «эмоциональный комфорт» представлен значением, соответствующим низкому уровню, а показатели «самопринятие» и «принятие других» приближены к низкому уровню выраженности. Из этого следует, что в большинстве респонденты, представившие данную группу, относятся к себе с предубеждением и подозрительны в отношении окружающих. Вместе с тем они в большинстве ощущают эмоциональный дискомфорт, связанный с взаимодействием с окружающим миром. Также видно, что в большинстве респонденты экспериментальной группы осознают, что достижение поставленных целей зависит от них, и в некоторой степени ориентированы на доминирование во взаимодействии. В контрольной же группе респонденты в большинстве уважают себя как личность, доброжелательны к окружающим, им присуща интернальность, некоторое

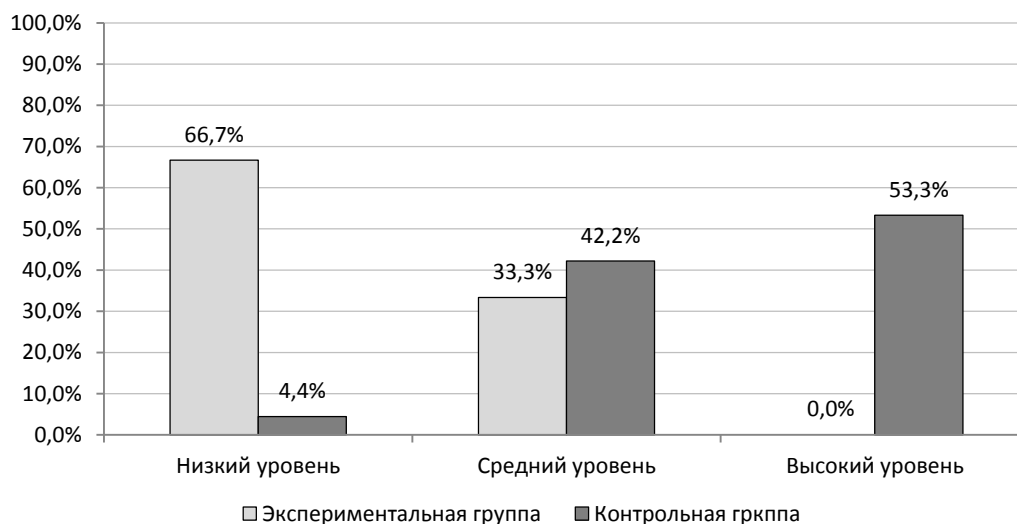

Рис. 5. Распределение участников ЭГ и КГ по уровням социально-психологической адаптации

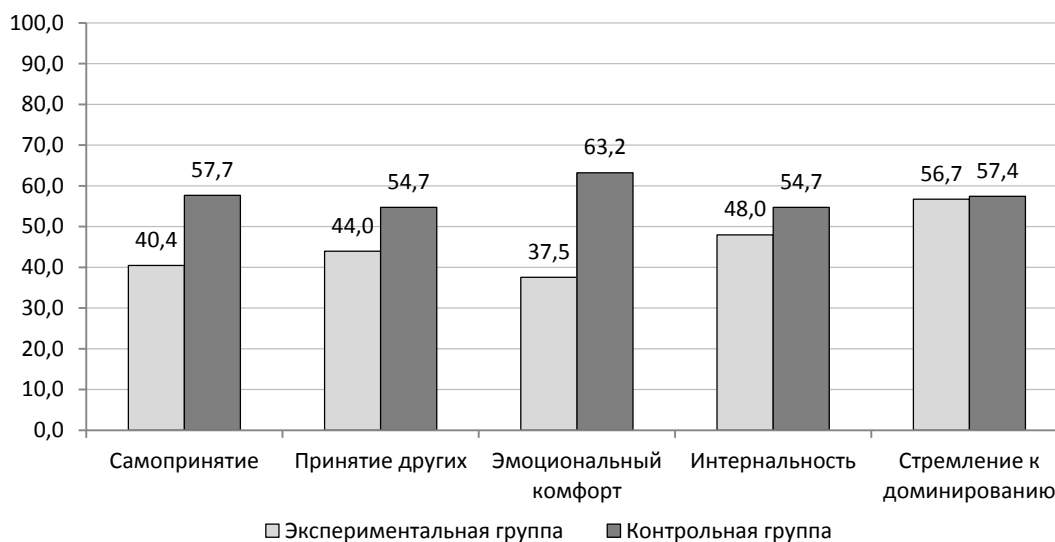

Рис. 6. Среднегрупповые показатели компонентов, составляющих адаптацию участников ЭГ и КГ к условиям жизнедеятельности, %

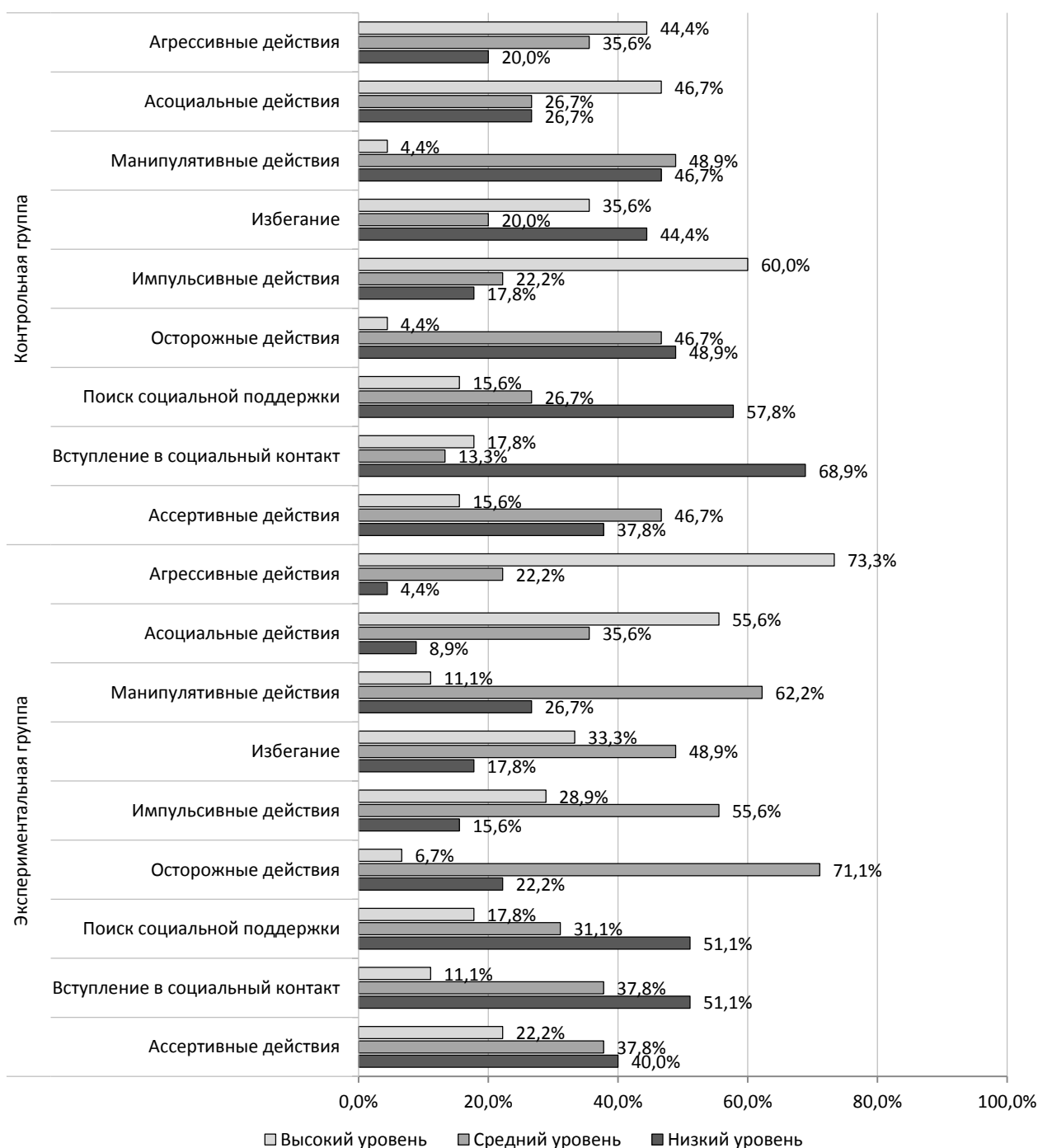
стремление к доминированию во взаимодействии с окружающими их людьми. Наряду с этим респонденты этой группы ощущают эмоциональный комфорт, связанный с взаимодействием с миром.

Оценка статистической значимости различий между группами показала, что между респондентами экспериментальной и контрольной групп присутствуют различия как по уровню социальной адаптации, так и по выраженности ее отдельных компонентов. В частности, удалось установить, что в сравнении с респондентами, представившими контрольную группу, представители экспериментальной группы менее ориентированы на принятие себя такими, какими они есть ($p \leq 0,01$), более склонны относиться к окружающим с подозрительностью ($p \leq 0,01$), чаще испытывают дискомфорт при построении взаимоотношений с социумом ($p \leq 0,01$), несколько меньше ориентированы на интернальный контроль, полагая, что многие жизненные ситуации контролю не подвластны ($p \leq 0,05$).

Данные, полученные в ходе исследования предпочтений респондентов в выборе стратегий преодоления затруднительных (стрессогенных) ситуаций, отражены на рис. 7.

Из данных, представленных на рис. 7, следует, что ассертивное поведение, сочетающее внутреннюю силу и вежливость к окружающим, а также характеризующееся способностью в ситуации внешнего давления корректно отстаивать свои интересы и свою линию поведения, спокойно говорить «нет» тому, что не устраивает, в большей или меньшей степени характерно для 60 % респондентов экспериментальной группы и для 62,2 % респондентов контрольной группы. Отсутствие склонности к использованию данной модели преодолевающего поведения обнаружена у 40 % респондентов экспериментальной группы и у 37,8 % респондентов контрольной группы.

Склонность к вступлению в социальные контакты, общению с друзьями и близкими людьми как более или

Рис. 7. Распределение участников ЭГ и КГ по предпочтению моделей преодолевающего поведения

менее предпочитаемую модель поведения в стрессовых ситуациях выявлена у 48,9 % респондентов экспериментальной группы и у 31,1% респондентов контрольной группы. Следовательно, у 51,1 % респондентов экспериментальной группы и у 68,9 % респондентов контрольной группы выявлена склонность к уходу от каких-либо контактов с окружающими при переживании внутреннего напряжения.

Выраженное стремление к поиску социальной поддержки в сложных жизненных ситуациях, готовность делиться своими внутренними переживаниями с целью снижения их давления и более объективной проработки выявлена у 17,8 % респондентов экспериментальной

группы и у 15,6 % респондентов контрольной группы. Ситуативная готовность к принятию социальной поддержки обнаружена у 31,1 % респондентов экспериментальной группы и у 26,7 % респондентов контрольной группы. В свою очередь, у 51,1 % респондентов экспериментальной группы и у 57,8 % респондентов контрольной группы было констатировано предпочтение самостоятельного решения своих проблем и нежелание посвящать в них окружающих, в том числе друзей и членов семьи.

Ярко выраженное предпочтение осторожного поведения в сложных ситуациях (тщательное взвешивание возможных вариантов решения, экономия сил, стремле-

ние к выявлению подводных камней) обнаружено у 6,7 % респондентов экспериментальной группы и у 4,4% респондентов контрольной группы. Умеренную ориентацию на использование данной модели поведения в стрессовых ситуациях продемонстрировали 71,1 % респондентов экспериментальной группы и 46,7 % респондентов контрольной группы. У остальных респондентов, соответственно, выявлена неготовность к использованию рассматриваемой модели преодолевающего поведения.

Импульсивность, готовность всегда действовать под воздействием сиюминутного настроения в ситуациях, вызывающих негативные переживания, выявляется у 28,9 % респондентов экспериментальной группы и у 60 % респондентов контрольной группы. Остальные же респонденты либо склонны действовать под воздействием импульса периодически, либо вообще не готовы поддаваться сиюминутному настроению в стрессовой ситуации.

Предпочтение избегающего поведения в стрессовых ситуациях в большей или меньшей степени присуще для 82,2 % респондентов экспериментальной группы и для 55,6 % респондентов контрольной группы. Для остальных респондентов, представивших выборку (ЭГ – 17,8 %; КГ – 44,4 %), данная модель поведения является неприемлемой.

Всегда при возникновении сложных ситуаций ориентированы на манипулятивное поведение (подыгрывание другим с целью достижения своих целей, лукавство) 11,1 % респондентов экспериментальной группы и 4,4 % респондентов контрольной группы. В некоторых подобных ситуациях склонны прибегать к манипуляциям 62,2 % респондентов экспериментальной группы и 48,9 % респондентов контрольной группы. В свою очередь, 26,7 % респондентов экспериментальной группы и 46,7 % респондентов контрольной группы прибегать к манипуляциям как к стратегии борьбы со стрессовыми ситуациями не склонны.

Склонность к осуществлению асоциальных действий (решительные действия, способные заставить других врасплох, предпочтение личных интересов интересам общества, даже если это военнослужащим во вред, демонстрация власти и превосходства, приведение других в неловкое и/или зависимое положение) для разрешения ситуаций, вызывающих дискомфорт, обнаружена у 55,6 % респондентов экспериментальной группы и у 46,7 % респондентов контрольной группы. Периодически склонны к такой форме поведения 35,6 % респондентов экспериментальной группы и 26,7 % респондентов контрольной группы. Соответственно, не ориентированы на использование рассматриваемой модели поведения 8,9 % респондентов экспериментальной группы и 26,7 % респондентов контрольной группы.

Ярко выраженное предпочтение агрессивного поведения в сложных ситуациях (открытое выявление ярости, гнева) обнаружено у 73,3 % респондентов экспериментальной группы и у 44,4 % респондентов контрольной группы. Умеренную ориентацию на использование данной модели поведения в стрессовых ситуациях продемонстрировали 35,6 % респондентов экспериментальной группы и 22,2 % респондентов контрольной группы. Соответственно, у остальных респондентов (ЭГ – 4,4 %; КГ – 20 %) выявлена неготовность к ис-

пользованию рассматриваемой модели преодолевающего поведения.

Оценка статистической значимости различий между группами показала, что представители экспериментальной группы более склонны к взвешенному подходу к решению возникающих трудностей ($p \leq 0,01$), чем представители контрольной группы, и при решении возникающих трудностей готовы демонстрировать гнев в различных формах, ($p \leq 0,01$), а также более ориентированы на решение возникающих трудностей за счет подавления прав и свобод окружающих ($p \leq 0,01$). В остальном значимые различия между группами обнаружены не были.

ВЫВОДЫ

В ходе проведения исследования удалось установить следующее.

1. У участников военных действий значительно более выражено, чем у их коллег, не принимавших участия в военных действиях, переживание стресса, которое проявляется в наличии головных болей, подавленном настроении, чувстве усталости, нарушении сна и аппетита, немотивированном беспокойстве по самым разным поводам, пристрастии к алкоголю.

2. Представители высшего командного состава, принимавшие участие в военных действиях, более склонны к нервно-психическим срывам ввиду неудовлетворительной нервно-психической устойчивости, чем их коллеги, не принимавшие участия в военных действиях.

3. Для представителей высшего командного состава, принимавших участие в военных действиях, характерен высокий уровень личностной тревожности, выражающийся в склонности воспринимать широкий диапазон ситуаций как угрозу для себя. В свою очередь, у большинства представителей высшего командного состава, не принимавших участия в военных действиях, обнаружена умеренная личностная тревожность.

4. Большинство представителей высшего командного состава, принимавших участие в военных действиях, являются социально дезадаптированными. В то же время трудностей, связанных с адаптацией к условиям взаимодействия с окружающими людьми, у их коллег не наблюдается.

5. Большинство представителей высшего командного состава, принимавших участие в военных действиях, и большинство представителей высшего командного состава, не принимавших участия в военных действиях, выбирают неконструктивные стратегии преодоления стрессогенных ситуаций. Вместе с тем для представителей высшего командного состава, принимавших участие в военных действиях, наиболее характерными при преодолении ситуаций, вызывающих дискомфорт, являются асоциальные и агрессивные действия, а для представителей высшего командного состава, не принимавших участие в военных действиях, – импульсивные действия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Полученные результаты позволили сделать вывод, что представители высшего командного состава – участники боевых действий – нуждаются в психологической помощи. При этом помощь психологов должна быть ориентирована на повышение адаптивного потен-

циала военнослужащих и на обогащение их внутренних резервов, которые позволят им преодолеть стресс. Особое внимание следует уделять формированию у них положительного отношения к себе, к другим, к жизни и к будущему.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шамрей В.К., Лыткин В.М. Динамика личностных изменений у ветеранов локальных войн и вооруженных конфликтов // Военно-медицинский журнал. 2006. Т. 327. № 7. С. 4–10.
2. Зеянина А.Н. Динамика личностных характеристик у ветеранов с различной тяжестью военной травмы // Психологические исследования: электронный научный журнал. 2012. № 1. С. 3–25.
3. Лаврова Е.Е. Личностные деформации участников боевых конфликтов // Молодой ученый. 2015. № 18. С. 332–336.
4. Боев О.И., Лекомцева О.В., Боев И.В. Психофизиологическая характеристика военнослужащих, участников боевых действий // Медицинский вестник Северного Кавказа. 2016. Т. 11. № 4. С. 547–550.
5. Терехова Т.А., Фонталова Н.С. Влияние боевого стресса на состояние психического здоровья участников военных действий // Психология в экономике и управлении. 2014. № 1. С. 71–75.
6. Стрельникова Ю.Ю. Изменения личности в условиях боевых действий с точки зрения психической нормы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. № 4. С. 187–192.
7. Лазебная Е.О. Травматическая стрессовая ситуация и посттравматический адаптационный процесс // Психология состояний: хрестоматия. М.: Речь, 2004. С. 373–386.
8. Краснова О.В. Исследование проблем бывших военнослужащих в контексте цикла жизни // Психология зрелости и старения. 2004. № 3. С. 52–78.
9. Падун М.А., Тарабрина Н.В., Харламенкова Н.Е. Интенсивный стресс в контексте психологической безопасности. М.: Когито-Центр, 2017. 344 с.
10. Лазебная Е.О., Зеленова М.Е. Субъективные и ситуационные детерминанты успешности процесса посттравматической стрессовой адаптации военнослужащих // Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы. М.: Институт психологии РАН, 2007. С. 576–590.
11. Орлова Т.В. Психологические трудности лиц, переживших боевой стресс // Психология, социология и педагогика. 2018. № 1. С. 10–12.
12. Кобозев И.Ю. Психопрофилактика и коррекция профессионального стресса сотрудников ОВД // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 1. С. 205–209.
13. Хоженко Е.В., Кипарисова Е.С., Екушева Е.В., Пузин М.Н., Денищук И.С., Пряников И.В., Маккаева С.М., Лепаев Ю.В., Афанасьев Б.Г., Дымочка М.А., Тарасова Л.А. Особенности диагностики и терапии посттравматического стрессового расстройства // Медико-социальная экспертиза и реабилитация. 2017. Т. 20. № 3. С. 158–161.
14. Лесной Н. После войны // ГЕО. 2006. № 2. С. 104–109.
15. Водопьянова Н.Е. Стресс-менеджмент. 2-е изд. М.: Юрайт, 2018. 283 с.
16. Психология менеджмента / под ред. Г.С. Никифорова. 2-е изд., доп. и перераб. СПб.: Питер, 2004. 639 с.
17. Рыбников В.Ю. Экспресс-методика «Прогноз-2» для оценки нервно-психической неустойчивости // Тезисы докладов на I всеармейском совещании. М.: Воениздат, 1990. С. 132–135.
18. Яньшин П.В. Практикум по клинической психологии: методы исследования личности. СПб.: Питер, 2004. 336 с.
19. Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. 2-е изд., доп. М.: Психотерапия, 2009. 544 с.
20. Елизаров А.Н. Основы индивидуального и семейного психологического консультирования. М.: Ось-89, 2003. 336 с.
21. Шингаев С.М. Психологическое обеспечение профессионального здоровья менеджеров. СПб.: СПбГУ, 2011. 175 с.

REFERENCES

1. Shamrey V.K., Lytkin V.M. The dynamics of personality changes in combatants of local wars and armed conflicts. *Voенno-meditsinskiy zhurnal*, 2006, vol. 327, no. 7, pp. 4–10.
2. Zelyanina A.N. Personality traits dynamics in veterans with war traumas of different severity. *Psikhologicheskie issledovaniya: elektronnyy nauchnyy zhurnal*, 2012, no. 1, pp. 3–25.
3. Lavrova E.E. Personal deformations of participants in military conflicts. *Molodoy uchenyy*, 2015, no. 18, pp. 332–336.
4. Boev O.I., Lekomtseva O.V., Boev I.V. Psychophysiological characteristic of soldiers, combat veterans. *Meditsinskiy vestnik Severnogo Kavkaza*, 2016, vol. 11, no. 4, pp. 547–550.
5. Terekhova T.A., Fontalova N.S. Combatant stress effect on the mental health of military actions participants. *Psikhologiya v ekonomike i upravlenii*, 2014, no. 1, pp. 71–75.
6. Strelnikova Yu.Yu. The changes of the personality in the military conditions in the term of psychic norms. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, 2013, no. 4, pp. 187–192.
7. Lazebnaya E.O. Traumatic stressful situation and posttraumatic adaptation process. *Psikhologiya sostoyaniy: khrestomatiya*. Moscow, Rech Publ., 2004, pp. 373–386.
8. Krasnova O.V. Study of problems of former servicemen in the context of the life cycle. *Psikhologiya zrelosti i stareniya*, 2004, no. 3, pp. 52–78.
9. Padun M.A., Tarabrina N.V., Kharlamenkova N.E. *Intensivnyy stress v kontekste psikhologicheskoy bezopasnosti* [Intensive stress in the context of psychological security]. Moscow, Kogito-Tsentr Publ., 2017. 344 p.
10. Lazebnaya E.O., Zelenova M.E. The subjective and situational determinants of successful posttraumatic readjustment of combatants. *Psikhologiya adaptatsii i sotsialnaya sreda: sovremennye podkhody, problemy, perspektivy*. Moscow, Institut psikhologii RAN Publ., 2007, pp. 576–590.

11. Orlova T.V. Psychological difficulties of survivors of combat stress. *Psikhologiya, sotsiologiya i pedagogika*, 2018, no. 1, pp. 10–12.
12. Kobozev I. Yu. Psychoprevention and correction of a professional stress of staff of Department of Internal Affairs. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, 2016, no. 1, pp. 205–209.
13. Khozhenko E.V., Kiparisova E.S., Ekusheva E.V., Puzin M.N., Denishchuk I.S., Pryanikov I.V., Makkaeva S.M., Lepaev Yu.V., Afanasev B.G., Dymochka M.A., Tarasova L.A. The peculiarities of diagnostics and therapy of the posttraumatic stress disorder in the practice of a neurologist. *Mediko-sotsialnaya ekspertiza i reabilitatsiya*, 2017, vol. 20, no. 3, pp. 158–161.
14. Lesnoy N. After the war. *GEO*, 2006, no. 2, pp. 104–109.
15. Vodopyanova N.E. *Stress-menedzhment* [Stress management]. 2nd ed. Moscow, Yurayt Publ., 2018. 283 p.
16. Nikiforova G.S., ed. *Psikhologiya menedzhmenta* [Management Psychology]. 2nd ed., dop. i pererab. Sankt Petersburg, Piter Publ., 2004. 639 p.
17. Rybnikov V.Yu. Express-method “Prognoz-2” for the assessment of neuropsychic instability. *Tezisy dokladov na I vsearmeyskom soveshchanii*. Moscow, Voenizdat Publ., 1990, pp. 132–135.
18. Yanshin P.V. *Praktikum po klinicheskoy psikhologii: metody issledovaniya lichnosti* [Clinical Psychology Workshop: Personality Research Methods]. Sankt Petersburg, Piter Publ., 2004. 336 p.
19. Fetiskin N.P., Kozlov V.V., Manuylov G.M. *Sotsialno-psikhologicheskaya diagnostika razvitiya lichnosti i malykh grupp* [Socio-psychological diagnosis of personal development and small groups]. 2nd ed., dop. Moscow, Psikhoterapiya Publ., 2009. 544 p.
20. Elizarov A.N. *Osnovy individualnogo i semeynogo psikhologicheskogo konsultirovaniya* [Basics of individual and family psychological counseling]. Moscow, Os’-89 Publ., 2003. 336 p.
21. Shingaev S.M. *Psikhologicheskoe obespechenie professionalnogo zdorovya menedzherov* [Psychological support of professional health]. Sankt Petersburg, SPbGU Publ., 2011. 175 p.

THE INDIVIDUAL PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF SENIOR OFFICERS – THE PARTICIPANTS OF COMBAT ACTIONS

© 2019

U.A. Aliyev, PhD (Law), Master of Psychology, external student of the Institute of Psychology
Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg (Russia)

Keywords: military personnel; individual psychological characteristics; top commanders; combatants; stressful situation; experiencing stress; nervous breakdown; anxiety; mental disorder; stress resistance; participation in hostilities; senior officers who took part in hostilities.

Abstract: Today, the identity of a serviceman participating in local wars and armed conflicts is one of the most relevant research topics for the Russian military psychology, and the psychological consequences of combat psychological trauma are the area of mutual scientific and practical interests of both civilian and military specialists. The personality of senior officers-combatants is of particular interest. This is due to the fact that they face the influence of various factors and situations when solving their combat missions. To solve combat missions successfully, senior officers-combatants need to have both professional skills and certain psychological characteristics. The paper shows the results of the comparative analysis of individual psychological characteristics (stress resistance, anxiety, the ability to adapt to the new life conditions, the preferred forms of coping behavior) of the top commanders of the Armed Forces of the Russian Federation who participated in combat operations (the experimental group) and their colleagues who did not participate in the hostilities. The study showed that senior officers who took part in hostilities were more prone to neuro-psychic breakdowns than their colleagues who did not take part in hostilities. Senior officers-combatants are characterized by a significantly higher level of personal anxiety expressed in the tendency to consider a wide range of situations as a threat to themselves; they show more pronounced indicators of social maladjustment. Moreover, the author identified that senior commanders who took part in hostilities were at most prone to use non-constructive strategies to overcome stressful situations.